

A close-up photograph of a glass filled with a golden-amber liquid, likely whiskey or brandy, surrounded by several clear ice cubes. The scene is set against a light blue background with a subtle gradient. The glass has a dark, possibly charred or stained, rim. The lighting creates highlights on the ice and the liquid's surface.

ФРАНК ВЕНЕКИНД

ПРОБУЖДЕНИЕ ВЕСНЫ

Франк Ведекинд

Пробуждение весны

«Public Domain»

1891

Ведекинд Ф.

Пробуждение весны / Ф. Ведекинд — «Public Domain», 1891

«Вендла: Зачем мне сделали такое длинное платье, мама? Госпожа Бергман: Сегодня тебе исполнилось четырнадцать лет! Вендла: Если бы я знала, что ты сделаешь мне такое длинное платье, так лучше мне не дожить до четырнадцати. Госпожа Бергман: Платье не такое длинное, Вендла! Что ж делать? Я не виновата, что моя дочка растет и растет с каждой весной. Как же тебе, взрослой девушке, расхаживать в принцессе?..»

Содержание

Действие первое	6
Сцена первая	6
Сцена вторая	7
Сцена третья	11
Сцена четвертая	14
Сцена пятая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ведекинд Франк
Пробуждение весны
Детская трагедия

Перевод Федера под редакцией Федора Сологуба

* * *

Человеку в маске

Действие первое

Сцена первая

(Комната)

Вендла: Зачем мне сделали такое длинное платье, мама?

Госпожа Бергман: Сегодня тебе исполнилось четырнадцать лет!

Вендла: Если бы я знала, что ты сделаешь мне такое длинное платье, так лучше мне не дожить до четырнадцати.

Госпожа Бергман: Платье не такое длинное, Вендла! Что ж делать? Я не виновата, что моя дочка растет и растет с каждой весной. Как же тебе, взрослой девушке, расхаживать в принцессе?

Вендла: Во всяком случае, моя принцесса идет мне больше, чем этот халат. – Дай мне еще поносить ее, мама! Хоть одно только лето. В четырнадцать или в пятнадцать, эта хламида мне всегда будет впору. – Оставим ее до следующего дня моего рождения. Теперь я только буду наступать на оборку.

Госпожа Бергман: Не знаю, что и сказать. Я бы тебя, дитя, охотно оставила, как ты есть. Другие девочки в твоем возрасте бестолковые дылды. Ты совсем не такая. – Кто тебя знает, какую будешь ты, когда другие только начинают развиваться.

Вендла: Кто знает – может быть, меня уже и на свете не будет.

Госпожа Бергман: Дитя, дитя! Откуда у тебя эти мысли!

Вендла: Ничего, милая мама, не горюй.

Госпожа Бергман: (целуя ее) Сокровище мое, ненаглядное!

Вендла: Они приходят ко мне по вечерам, когда я не сплю. И от них мне вовсе не грустно, и даже знаю, что потом лучше засну. – Грешно, мама, думать об этом?

Госпожа Бергман: Ну, иди и повесь хламиду в шкаф! Надевай себе с Богом свою принцессу! – Я как-нибудь при случае подошью тебе воланов пальца на четыре.

Вендла: (вешая платье в шкаф) Нет, уж лучше быть двадцатилетней!..

Госпожа Бергман: Если бы только тебе не было так холодно! – В свое время и это платьице было достаточно длинно, но...

Вендла: Теперь, когда наступает лето? – Ах, мама, ведь и у детей дифтерит из-под коленок не начинается. Поищи таких бедняг. В мои годы не зябнут, особенно в ногах. Мама, разве лучше, чтобы было очень жарко? Благодарю Бога, что твое сокровище не обрезало в одно утро рукава и не вышло к тебе на встречу, так без чулок и башмаков! Когда я буду носить мою хламиду, внизу я оденусь царицею эльфов... Не бранись, мамочка, этого никто не увидит.

Сцена вторая

(Воскресный вечер)

Мельхиор: По мне это слишком скучно. Я больше не играю.

Отто: Тогда и нам придется бросить. Ты приготовил уроки, Мельхиор?

Мельхиор: Да вы продолжайте!

Мориц: Куда ты идешь?

Мельхиор: Гулять.

Георг: Да уже смеркается!

Мельхиор: Почему мне нельзя гулять в темноте?

Эрнест: Центральная Америка! – Людовик XV! – Шестьдесят стихов из Гомера! – Семь уравнений!

Мельхиор: Проклятые уроки!

Георг: Хотя бы завтра не было латинского сочинения.

Мориц: О чем ни вспомнишь, а все в голову лезут уроки.

Отто: Я пойду домой.

Георг: И я, готовить уроки.

Эрнест: И я, и я.

Роберт: Покойной ночи, Мельхиор.

Мельхиор: Приятного сна.

(Все, кроме Морица и Мельхиора, уходят)

Мельхиор: Хотел бы я знать, для чего, в конце концов, мы живем на свете!

Мориц: Лучше бы мне клячей быть, дрожки таскать, чем в школу ходить. Для чего мы ходим в школу? – Мы ходим в школу для того, чтобы нас экзаменовали, – а для чего нас экзаменуют? Чтобы мы провалились. Ведь семеро должно провалиться уже потому, что в следующем классе может поместиться всего шестьдесят человек. – Мне так не по себе, с Рождества... Чорт возьми! Если б не отец, я сегодня же связал свой узелок и отправился бы в Альтонз!

Мельхиор: Поговорим о чем-нибудь другом.

(Они прохаживаются)

Мориц: Видишь там черную кошку с задранным кверху хвостом?

Мельхиор: Ты веришь в приметы?

Мориц: Не знаю, наверно... Она оттуда пришла. Ничего нельзя сказать.

Мельхиор: Я думаю, это Харибда, в которую попадает всякий, кто вырвался из Сциллы религиозных убеждений. – Сядем здесь, под буком. Теплый ветер несется с гор. Хотел бы я теперь быть наверху, в лесу, молодой дриадою, всю долгую ночь, на самых вершинах колыхаться и качаться.

Мориц: Застегни курточку, Мельхиор!

Мельхиор: Ух, раздувает одежду!

Мориц: Как темно! – руки перед самым носом не вижу. Ты где?.. А ты не думаешь, Мельхиор, что стыдливость в человеке – только следствие воспитания?

Мельхиор: Вот об этом я думал третьего дня. Мне кажется, что стыдливость очень глубоко внедрилась в человеческую натуру. Представь себе, что ты должен совсем раздеться перед своим лучшим другом. Ты этого не сделаешь, если и он не станет делать то же самое. – К тому же, это более или менее дело моды.

Мориц: Я уже думал, когда у меня будут дети, мальчики и девочки, я заставлю их спать в одной и той же комнате, если можно, на одной кровати; чтобы утром и вечером, одеваясь и раздеваясь, они помогали друг другу; в теплое время все они, и мальчики и девочки, буду у

меня носить только короткую тунику из белой шерсти, подпоясанную кожаным ремнем. Мне кажется, что если они так вырастут, то они потом будут спокойнее, чем мы.

Мельхиор: Да, я уверен в этом, Мориц. Но вот вопрос, если у девочек будут дети, что тогда?

Мориц: Как будут дети?

Мельхиор: В этом отношении я верю в известный инстинкт. Я думаю, что, если, например, кота и кошку запереть вместе и держать их без сношения с внешним миром, т. е. совершенно предоставить их собственным влечениям, – я думаю, что рано или поздно кошка родит. Хотя ни она, ни кот не видели примера, который открыл бы им глаза.

Мориц: У животных это, конечно, должно получиться само собой.

Мельхиор: У людей, я думаю, тем более. Послушай, Мориц, когда твои мальчики спят на одной постели с девочками, и в них возникают первые половые возбуждения – я с кем угодно готов держать пари...

Мориц: Пусть в этом ты прав. Но, во всяком случае...

Мельхиор: У твоих девочек в соответствующем возрасте было бы так же! Не от того, что именно девочки. Конечно, наверное сказать нельзя... во всяком случае можно предположить... И любопытство не замедлило бы сделать свое дело.

Мориц: Кстати, один вопрос.

Мельхиор: Ну?

Мориц: А ты ответишь?

Мельхиор: Конечно!

Мориц: Правду?

Мельхиор: Вот тебе моя рука. Ну, Мориц?

Мориц: Ты уже написал сочинение?

Мельхиор: Да говори, не стесняйся. Ведь здесь никто не видит и не слышит нас.

Мориц: Само собою разумеется, мои дети целыми днями должны были бы работать во дворе или в саду или развлекаться играми, связанными с телесным напряжением. Они должны были бы ездить верхом, делать гимнастику, лазать, и, главное, не спать в таких мягких постелях, как мы. Мы ужасно изнежены. – Я думаю, что совсем ничего не увидишь во сне, если спать на жестком.

Мельхиор: Теперь я буду спать всегда, вплоть до сбора винограда, в моем гамаке. Я задвину мою кровать за печку. Она складная. – Прошлой зимой мне приснилось, я так долго хлестал нашего Лоло, что он не мог пошевелиться. Это было самое страшное из всего, что мне когда-нибудь снилось. Что ты так странно смотришь на меня?

Мориц: Ты уже испытывал?

Мельхиор: Что?

Мориц: Как ты это называешь?

Мельхиор: Половое возбуждение?

Мориц: М-гм.

Мельхиор: Да.

Мориц: И я.

Мельхиор: Уже давно. Скоро год.

Мориц: Меня точно молния опалила.

Мельхиор: Ты видел во сне?

Мориц: Да, но совсем немного. Ноги в небесно-голубом трико. Они вздымались над кафедгой. Точнее сказать, мне показалось, что они перепрыгивали туда. Я видел их мельком.

Мельхиор: Георгу Циршницу снилась его мать...

Мориц: Он тебе это рассказывал?

Мельхиор: Там, на Гальгенштеге!

Мориц: Если бы ты знал, что я перенес с той ночи!

Мельхиор: Угрызения совести?

Мориц: Угрызения совести? Смертная тоска!

Мельхиор: Господи Боже!

Мориц: Я считал себя погибшим. Мне казалось, что я страдаю какою-то внутреннею порчею. Наконец я успокоился только тем, что стал записывать свои впечатления. Да, да, милый Мельхиор, последние три недели были для меня, как Гефсиманская ночь.

Мельхиор: В свое время я более или менее ожидал этого.

Мориц: И при том, ты почти на целый год моложе меня!

Мельхиор: Ну об этом, Мориц, я и не подумал бы. По моим наблюдениям нет определенного возраста для того, чтобы впервые всплыл это фантом. Ты знаешь большого Лермейера с соломенно-желтыми волосами и с длинным носом? На три года старше меня. Гансик Рилов говорит, что ему до сих пор снятся только песочные пирожные и абрикосовое желе.

Мориц: Скажи, пожалуйста, как может Гансик Рилов судить об этом!

Мельхиор: Он его спросил.

Мориц: Он его спросил? – Я никогда не решился бы спросить кого бы то ни было.

Мельхиор: Да ведь меня спросил же.

Мориц: Ну, да! – Может быть, Гансик уже написал свое завещание. Право, странную игру затеяли с нами. И за это мы должны еще благодарить. Я не помню, чтобы когда-нибудь скучал по возбуждениям этого рода. Почему не дали мне спать спокойно, пока все не затихло бы? Мои милые родители могли бы иметь сотню детей получше. Но я появился, не знаю как, и должен отвечать за то, что и я здесь. – А ты, Мельхиор, не думал о том, каким собственно способом и мы затесались в эту толчею?

Мельхиор: Как, ты еще этого не знаешь, Мориц?

Мориц: Откуда мне знать? – Я вижу, что куры кладут яйца, я слышу, что будто бы моя мать носила меня под сердцем, но разве этого достаточно? Я вспоминаю, что уже пятилетним ребенком смущался, когда кто-нибудь открывал декольтированную червонную даму. Это чувство исчезло. И все-таки теперь я не могу говорить ни с одной девочкой, не думая при этом о чем-то отвратительном и, клянусь тебе, Мельхиор, не знаю о чем.

Мельхиор: Я скажу тебе все. – Я знаю это частью из книг, частью по иллюстрациям, частью по наблюдениям. Ты будешь ошеломлен: я в свое время стал атеистом. Я и Георгу Циршницу рассказал это! Георг Циршниц хотел рассказать Гансику Рилову, но Гансик Рилов научился всему еще ребенком у своей гувернантки.

Мориц: Я просмотрел Малый Мейер от А до Z. Слова, – ничего кроме слов и слов! Ни одного прямого объяснения! На что мне Энциклопедия, которая не отвечает на ближайшие жизненные вопросы?

Мельхиор: Ты видел когда-нибудь, как по улице бегут две собаки?

Мориц: Нет! Лучше не говори мне сегодня ничего, Мельхиор. У меня еще Центральная Америка и Людовик XV. Да еще шестьдесят стихов из Гомера, семь уравнений и латинское сочинение. Иначе мне и завтра придется на всем нарезать. Для того, чтобы с успехом зубрить, мне надо быть тупым, как баран.

Мельхиор: Пойдем ко мне. В три четверти часа я пройду Гомера, решу уравнения, напишу два сочинения. В твоём я сделаю несколько невинных ошибок и дело в шляпе. Мама приготовит нам лимонад, и мы поболтаем мирно о размножении.

Мориц: Не могу мирно болтать о размножении. Если хочешь сделать мне одолжение, дай мне все это написанным. Напиши мне все, что ты знаешь. Напиши как можно короче и яснее, и завтра, во время гимнастики, всунь записку в мои книги. Я унесу ее домой, не зная, что она лежит там. Когда-нибудь я невзначай найду ее. Не могу удержаться и не прочитать ее утомленными глазами... Если это необходимо, ты можешь сделать на полях рисунки.

Мельхиор: Ты, как девушка. Впрочем, как хочешь. Для меня это очень интересная работа. Один вопрос, Мориц.

Мориц: Ну?

Мельхиор: Ты видел когда-нибудь девушку?

Мориц: Да!

Мельхиор: И совсем?

Мориц: Совершенно.

Мельхиор: Я тоже. Тогда иллюстрации не нужны.

Мориц: Во время праздника стрелков в анатомическом музее Мейлиха! Если бы это открылось, меня выгнали бы из школы. Прекрасна, как день, и ах, как похожа на живую!

Мельхиор: Нынче летом я был с мамой во Франкфурте. – Ты уже уходишь, Мориц?

Мориц: Готовить уроки. – Спокойной ночи.

Мельхиор: До свидания.

Сцена третья

(Теа, Вендла и Марта под руку идут по улице)

Марта: Как вода набирается в башмаки!

Вендла: Как ветер щиплет щеки!

Теа: Как сердце бьется!

Вендла: Пойдем к мосту! Ильза говорила, что по реке плывут кусты и деревья. Мальчики сделали плот. Мельхиор Габор, кажется, вчера вечером чуть не утонул.

Теа: О, он умеет плавать!

Марта: Еще бы!

Вендла: Если бы он не умел плавать, он наверняка утонул бы!

Теа: У тебя коса распускается, Марта, у тебя коса распускается!

Марта: Фу, – пусть распускается! Она злит меня и днем и ночью. С короткими волосами ходить, как ты, мне нельзя, с распущенными косами ходить, как Вендла, мне нельзя, подстричь их на лбу мне нельзя, даже и дома мне приходится делать прическу, – и все из-за теток.

Вендла: Завтра я принесу на Закон Божий ножницы. Пока ты будешь отвечать "Заповедь блаженства" я отрежу тебе волосы.

Марта: Ради Бога, Вендла! Папа избьет меня жестоко, а мама на три ночи запрет меня в чулан.

Вендла: Чем он бьет тебя, Марта?

Марта: Часто мне кажется, что им чего-то не хватало бы, если бы у них не было такой избалованной шалуньи, как я.

Теа: Полно, милая!

Марта: А тебе тоже нельзя было продернуть в рубашку голубую ленту?

Теа: Розовый атлас! Мама уверена, что к моим черным глазам больше всего идет розовое.

Марта: Мне удивительно шло голубое. – Мама стащила меня за косу с кровати. Так, – я упала на пол руками. – Мама каждый вечер молится с нами.

Вендла: На твоём месте я давно убежала бы от них.

Марта: Тогда бы они поняли. Что я теперь терплю! Тогда бы они поняли! Она еще увидит, – о, она еще увидит! – Моей матери, впрочем, я не должна делать упреков.

Теа: Ну, ну!

Марта: Можешь ли ты представить себе, Теа, что думала тогда моя мама?

Теа: Я – нет. А ты, Вендла?

Вендла: Я просто бы спросила ее.

Марта: Я лежала на полу и кричала, и выла. Тогда вошел папа. Трах! рубашка долой. Я – в дверь! Тогда бы они узнали! – Я хотела выбежать так на улицу.

Вендла: Но ведь это неправда, Марта!

Марта: Мне было холодно. Я вернулась. Всю ночь мне пришлось спать в мешке.

Теа: Спать в мешке я никогда не смогла бы.

Вендла: А я охотно поспала бы за тебя разик в твоём мешке.

Теа: Но ведь в нём можно задохнуться?

Марта: Голова остается наружу. Завязывают под подбородком.

Теа: И тогда тебя бьют?

Марта: Нет. Только если что-нибудь особенное случится.

Вендла: Чем тебя бьют, Марта?

Марта: Да что, – чем попало. – Твоя мама тоже считает неприличным есть хлеб в постели?

Вендла: Нет, нет.

Марта: Я думаю, что они мне все-таки рады, хоть и не говорят об этом. Когда у меня будут дети, они будут расти, как сорная трава в нашем саду. О ней никому нет печали, а она такая высокая и густая, между тем, как розы в клумбах у своих палочек каждый год цветут такие жалкие.

Теа: Когда у меня будут дети, я одену их во все розовое. Розовые шляпы, розовые платья, розовые башмаки. Только чулки – чулки черные, как ночь! Когда я пойду гулять, я пушу их маршировать передо мною. – А ты, Вендла?

Вендла: Разве вы знаете, что у вас будут дети?

Теа: А почему им у нас не быть?

Марта: Вот тети Ефимии их нет.

Теа: Глупая, ведь она не замужем.

Вендла: Тетя Бауер три раза была замужем и не имеет ни одного ребенка.

Марта: Если у тебя будут дети, Вендла, кого ты хотела бы, мальчиков или девочек?

Вендла: Мальчиков, мальчиков!

Теа: И я мальчиков!

Марта: И я. Лучше двадцать мальчиков, чем три девочки.

Теа: Девочки несносные!

Марта: Если бы я уже не была девочкой, то сама ею не захотела бы стать.

Вендла: По-моему, это дело вкуса, Марта. Я каждый день радуюсь, что я девочка. Поверь, что я не поменялась бы и с королевским сыном. – А все-таки я хотела бы иметь только мальчиков!

Теа: Да ведь это глупость, Вендла!

Вендла: Ну пожалуйста, все-таки в тысячу раз лучше быть любимой мужчиной, чем девушкой!

Теа: Но ведь ты не будешь настаивать, будто бы лесничий Пфеле любит Мелиту больше, чем она его?

Вендла: Нет, больше, Теа! Пфеле горд, Пфеле гордится тем, что он лесничий, – ведь у него ничего нет. – Мелита рада тем, что она получает в десять тысяч раз больше, чем она сама стоит.

Марта: Разве ты не гордишься собою, Вендла?

Вендла: Это было бы глупо.

Марта: Как гордилась бы я на твоём месте!

Теа: Посмотри, Марта, как она идет, – как прямо смотрит, – как держится! – Уж если это не гордость...

Вендла: Ну так что же! Я так счастлива, что я – девочка; если бы я не была девочкой, я сейчас же покончила бы с собою.

(Мельхиор проходит мимо и здоровается).

Теа: У него удивительная голова.

Марта: Таким я представляю себе молодого Александра, когда он ходил в школу к Аристотелю.

Теа: Боже ты мой, греческая история! Я только и знаю, как Сократ лежал в бочке, когда Александр продавал ему ослиную тень.

Вендла: Он, кажется, третий ученик в классе.

Теа: Профессор Кнохенбург говорил, что он мог бы быть первым, если бы захотел.

Марта: У него красивый лоб, а у его друга взгляд задушевнее.

Теа: Мориц Штифель? – Вот ночной колпак.

Марта: Я всегда очень хорошо проводила с ним время.

Теа: С ним всегда только осрамишься. На детском балу у Рилова он предложил мне пралине. И представь себе, Вендла, – они были мягкие и теплые. Разве это не?.. – Он сказал, что долго держал их в кармане!

Вендла: Представь, Мельхи Габор сказал мне тогда, что он ни во что не верит, – ни в Бога, ни в тот свет, – решительно ни во что!

Сцена четвертая

(Сад перед гимназией. – Мельхиор, Отто, Георг, Роберт, Гансик Рилов, Лемермейер).

Мельхиор: Не может ли кто-нибудь из вас сказать мне, куда девался Мориц Штифель?

Георг: Ему достанется! Ой, как ему достанется!

Отто: Он добьется того, что уж вляпается как следует.

Лемермейер: Чорт возьми, в этот момент я бы не хотел быть в его шкуре!

Роберт: Вот наглость! – Такое бесстыдство!

Мельхиор: Что, что? Что же вы знаете?

Георг: Что мы знаем? Ну я тебе скажу.

Лемермейер: Я не сказал бы.

Отто: Я тоже. Право нет.

Мельхиор: Если вы сейчас же...

Роберт: Коротко сказать, Мориц Штифель забрался в учительскую.

Мельхиор: В учительскую?

Отто: В учительскую. Сразу после латинского.

Георг: Он был последним; нарочно остался.

Лемермейер: Когда я шел по коридору, я видел, как он открывал дверь.

Мельхиор: Чтоб тебя!..

Лемермейер: Как бы его чорт не побрал!

Георг: Вероятно, ректор не вынул ключа.

Роберт: Или, может быть, Мориц Штифель принес отмычку.

Отто: От него этого можно ждать.

Лемермейер: Еще хорошо будет, если ему только придется остаться на воскресенье.

Роберт: Да еще замечание в свидетельство.

Отто: С такими отметками как бы и совсем не вылетел.

Гансик Рилов: Вот он.

Мельхиор: Бледный, как полотно!

(Мориц находится в крайнем возбуждении)

Лемермейер: Мориц, Мориц, что ты сделал!

Мориц: Ничего, – ничего.

Роберт: Ты дрожишь?

Мориц: От счастья, – от блаженства, – от сердечного веселья.

Отто: Тебя не поймали?

Мориц: Я перешел. – Мельхиор, – я перешел! – О, теперь хоть трава не расти! – Я перешел! – Кто бы мог подумать, что меня переведут! – Все еще в толк не возьму. Двадцать раз перечитывал это. – Но можно поверить, – о, Боже, – но это так! – Это так! Я перешел (Улыбаясь). Я не знаю, – мне так странно, – земля колеблется под ногами... Мельхиор, Мельхиор, если бы ты знал, что мне пришлось пережить!

Гансик Рилов: Поздравляю, Мориц. Радуйся, что отделался так легко.

Мориц: Ты и не знаешь, Гансик, ты и не догадываешься, что было поставлено на карту. Уже три недели я прокрадывался перед дверью, как перед адовой пастью. И вот сегодня вижу, – она приоткрыта. Я думаю, что если бы мне предложили миллион – ничто, о ничто не могло бы меня удержать. – Я в учительской, – я открываю журнал, – перелистываю, – нахожу, – и все это время... В дрожь бросает!

Мельхиор: Все это время?

Мориц: Все время дверь за стеною открыта настежь. – Как вышел, как сбежал по лестнице, – не знаю...

Гансик Рилов: И Эрнест Ребель тоже перешел?

Мориц: Конечно, Гансик, конечно! – Эрнест Ребель тоже перешел.

Роберт: Ну, так ты неверно прочитал. Не считая пары ослов, нас всех с тобою и Ребелем шестьдесят один; а в верхнем классе не может поместиться больше шестидесяти.

Мориц: Я прочитал совершенно верно. Эрнест Ребель также переведен, как и я, – оба, конечно, пока только условно. Только в первую четверть выяснится, кто из нас должен будет уступить место другому. – Бедняга Ребель! – Видит Бог! – Я уже не боюсь за себя. Для этого я заглянул уже слишком глубоко.

Отто: Держу пари на пять марок, что очистишь место ты.

Мориц: Да ведь у тебя ничего нет. Я не хочу тебя грабить. Господи Боже! Теперь-то я начну зубрить. – Вот когда я смогу сказать, – хотите верьте, хотите нет, теперь все равно – я знаю, что это так: если бы меня не перевели, я бы застрелился.

Роберт: Хвастун!

Георг: Заячья душа!

Отто: Хотел бы я посмотреть, как ты стреляешь!

Лемермейер: За это пощечину!

Мельхиор (дает ему ее): Идем, Мориц. Пойдем к лесной сторожке.

Георг: Ты веришь его болтовне?

Мельхиор: Тебе то что! – Пусть они болтают, Мориц. Скорее, скорее же из этого города. (Профессор Гунгергурт и Кнохенбурх проходят мимо).

Кнохенбурх: Для меня непостижимо, уважаемый коллега, как лучший из моих учеников может чувствовать влечение к самому плохому.

Гунгергурт: И для меня так же, уважаемый коллега.

Сцена пятая

(Солнечный день. – Мельхиор и Вендла встречаются в лесу).

Мельхиор: Никак это ты, Вендла? – Что ты здесь делаешь одна? Уже три часа я брожу по лесу вдоль и поперек, ни души не встретил, и вдруг ты выходишь ко мне навстречу из самой дикой чащи.

Вендла: Да, это я.

Мельхиор: Если бы я не знал, что ты Вендла Бергман, я принял бы тебя за Дриаду, упавшую с ветвей.

Вендла: Нет, нет, я Вендла Бергман. – А ты как попал сюда?

Мельхиор: Задумался, да и зашел.

Вендла: Я собираю пахучую смолку. Мама хочет делать майтранк, но в самую последнюю минуту пришла тетя Бауер, а она не любит подниматься в горы, – И вот я пошла одна.

Мельхиор: Ты уже набрала своей пахучей смолки?

Вендла: Полную корзину. Вон там, под буками, она растет сплошь, как клевер. Теперь я все смотрю, где же дорога. Кажется, заблудилась. Ты, может быть, знаешь который теперь час?

Мельхиор: Уже больше половины четвертого. – Когда тебя ждут?

Вендла: Я думала, что теперь позже. Я так долго лежала у Золотого ручья во мху и мечтала. Время прошло для меня так быстро, – я боялась, что уже наступает вечер.

Мельхиор: Если тебя еще не ждут, давай полежим здесь немного. Там под дубом мое любимое местечко. Если откинешь голову к стволу и сквозь ветки уставишься в небо, то это гипнотизирует. – Почва еще теплая от утреннего солнца. – Уже давно я хотел кое о чем спросить тебя, Вендла.

Вендла: Но к пяти часам мне нужно быть дома.

Мельхиор: Мы пойдем тогда вместе. – Я возьму корзину, и мы пойдем прямо сквозь чащу; через десять минут мы будем уже на мосту! – Когда уляжешься так, опершись лбом на руку, приходят тогда такие странные мысли в голову.

(Оба ложатся под дубом).

Вендла: Что ты хотел спросить у меня, Мельхиор?

Мельхиор: Я слышал, что ты, Вендла, часто ходишь к бедным. Приносишь им еду, платье и деньги. Ты это делаешь по своему собственному желанию, или тебя мать посылает?

Вендла: По большей части меня посылает мать. Это бедные семьи поденщиков, с кучей детей. Часто отец без работы и они мерзнут и голодают. У нас в шкафах и комодах лежит немало такого, что уже больше не нужно. – А почему ты об этом заговорил?

Мельхиор: Ты идешь охотно или неохотно, когда твоя мать посылает тебя куда-нибудь?

Вендла: О, еще бы! Мне это страх как нравится! – Как это ты так спрашиваешь?

Мельхиор: А дети-замарашки, женщины больные, в квартирах такая грязь, мужчины тебя ненавидят за то, что ты не работаешь.

Вендла: Это не так, Мельхиор! А если и так, ну и пусть, и тем лучше!

Мельхиор: Как тем лучше, Вендла?

Вендла: Для меня тем лучше. Мне было бы еще больше радости, если бы я могла таким помочь.

Мельхиор: Значит, ты ходишь к бедным людям для собственного удовольствия.

Вендла: Я хожу к ним потому, что они бедные.

Мельхиор: А не будь в этом для тебя никакой радости, ты бы и не стала ходить?

Вендла: Что ж мне делать, если меня это радует!

Мельхиор: Да еще за это же ты и в рай попадешь! – Значит, верно все, что уже целый месяц не дает мне покоя! – Виноват ли скряга, если ему нет радости в том, чтобы ходить к больным и грязным детям!

Вендла: О, тебя-то, наверное, это очень радовало бы.

Мельхиор: И за это ему суждена вечная смерть! – Я напишу об этом сочинение и подам его пастору Кальбауху. Это из-за него. Что он нам мелет о блаженстве жертвы! Если он не сумеет мне ответить, не пойду больше на катехизис и подтвердиться не стану.

Вендла: Ты хочешь огорчать твоих милых родителей. Подтвердиться, от этого голова не отвалится. Если бы только не наши ужасные белые платья и не ваши длинные панталоны, то это могло бы даже растрогать.

Мельхиор: Нет самопожертвований! Нет самоотречения! – Я вижу, как добрых радует их доброе сердце, я вижу, как злые трепещут и стонут. Я вижу тебя, Вендла Бергман, – твои кудри вьются и смеются, а мне грустно, как изгнаннику. – О чем ты мечтала, Вендла, когда лежала у Золотого ручья в траве?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.